

Памяти Я.Ю. Никитина

М.А. Лифшиц

Одной из значимых, характерных фигур матмеха моих студенческих, а потом и преподавательских лет был Яков Юрьевич Никитин (1947-2020), которому я, как и другие матмеховцы, многим обязан.

Никитин происходил из интеллигентной среды и был, если можно так выразиться, пропитан классической культурой. Он как-то обмолвился, что одно из его первых детских воспоминаний – как он мальчиком играет на коленях у М.Л. Лозинского, знаменитого переводчика Шекспира, Данте и других классиков. Поскольку сын Лозинского, известный профессор-математик С.М. Лозинский, читал нам в те времена лекции на матмехе, то я иногда представлял себе, что Яков Юрьевич чуть ли не родился на факультете и провёл на нём всю жизнь. В этом смысле Я.Ю. напоминает мне героя книги А. Барикко «Легенда о пианисте» (в оригинале «Novecento») – мальчика-подкидыша, найденного младенцем на трансатлантическом лайнере и прожившего на корабле всю жизнь, обнаружившего дар гениального пианиста-самоучки, но так ни разу и не пожелавшего сойти на берег – даже когда лайнер уже отправился на слом. Это преувеличение не так уж далеко от истины: придя на матмех первокурсником, он прошёл весь классический путь универсанта, не пропустив ни одной ступени: студент, ассистент, старший преподаватель, доцент, профессор, заведующий кафедрой.

Хотя Яков Юрьевич обычно появлялся на факультете в костюме и при галстукe, наше первое знакомство ассоциируется у меня с совершенно другой, нехарактерной для него формой одежды. Осенью 1973г. часть нашего только что набранного первого курса, около сотни человек, кое-как выстроилась перед деревянным баракom под первым октябрьским снежком, а Я.Ю. перед нами, в ватнике, в роли полководца готовится вести нас на штурм последнего ещё не убранного картофельного поля. Впрочем, к ватнику прилагались интеллигентский беретик и очки, напоминавшие о более высоком предназначении универсанта.

В то время Я.Ю. светило повышение в должности, а в такие моменты человек совершенно незащищен перед начальством. Вот ему и вручили наш курс, триста персон, и для начала отправили с нами «на картошку». Должность его называлась «заместитель декана по курсу», и на ней замечательно раскрылись многие редкие достоинства Якова Юрьевича. К своим обязанностям он, как всегда, отнёсся совершенно неформально. Каждый из сотен его подопечных мог в любое время рассчитывать на его помощь, совет и поддержку в любом вопросе. Обладая феноменальной памятью (например, однажды Я.Ю. вспомнил наизусть телефон квартиры, в которой я жил за тридцать лет до того), он буквально держал в голове дела каждого студента и старался всем посодействовать как мог.

Несколько студенческих лет мне довелось быть членом курсового академического совета, где мы под руководством Я.Ю. пытались помогать

студентам, испытывавшим проблемы с учёбой. Он прилагал все возможные усилия, чтобы «вытащить со дна самого последнего двоечника, дать ему шанс, найти необходимую помощь или обеспечить отсрочку долгов. Эта забота, дружеское участие, симпатия, исходившие от Я.Ю. все пять лет учёбы, излучались на нас этой светлой натурой, никогда не переходя в панибратство. Нечего и говорить, что курс платил ему взаимностью и тогда, и после окончания университета. Много лет без активного участия Я.Ю. не проходила ни одна из наших регулярных встреч.

Мне, конечно, помощь в учёбе была не нужна, но зато я получил от Никитина решающий совет, чем заниматься в дальнейшем. На втором-третьем курсе я ходил на три или четыре кружка и не знал толком, на каком разделе математики сконцентрироваться – теории ли вероятностей, математическом анализе или дифференциальных уравнениях. Как раз теория вероятностей, на которую в конечном счёте пал выбор, изначально была не в приоритете по личным причинам – не очень мне хотелось следовать по стопам старшего брата. Но обаяние моего будущего руководителя Ю.А. Давыдова и ненавязчивая, но упорная агитация Якова Юрьевича всё же склонили чашу весов в пользу теории вероятностей, о чём я нисколько не жалею. Помню, мы обсуждали эти проблемы с Я.Ю. в не совсем обычной обстановке, прогуливаясь под звёздным небом по ухабистой деревенской дороге поздним осенним вечером 1975 года, потому что перед распределением по кафедрам наш третий курс в очередной раз послали убирать картошку, а Яков Юрьевич, как всегда, «был со своим народом».

Лектором Я.Ю. был превосходным, и часто перемежал математические выкладки какими-нибудь историями из жизни знаменитых математиков или примерами из литературы, украшавшими конспекты слушателей. Даже задачи на практике по теории вероятностей у него бывали какие-то литературные, вроде «Подъехал богатырь к камню у перекрёстка дорог, на котором написано то-то и то-то ... А что же ему делать, куда ехать, если в те суровые времена человек без коня всё равно погибал с такой-то вероятностью?»

Много лет он читал свой коронный курс математической статистики и довёл его до совершенства. По стечению обстоятельств мне пришлось вынужденно заняться тем же самым на другом факультете. Делать это, следуя тщательно продуманному плану Я.Ю. и при его ободряющем внимании, было нетрудно и приятно, хотя я не так уж разбираюсь в предмете.

О своих научных достижениях Я.Ю. распространяться не любил, но то, что его главный труд – книга «Asymptotic Efficiency of Nonparametric Tests» – был сразу переведён элитным издательством Cambridge University Press, говорит само за себя. Удивительно, но при огромной математической эрудиции и блестящей памяти Я.Ю. всю жизнь занимался довольно узким кругом задач математической статистики, связанным с применением определённых инструментов теории вероятностей. Мне приятно сознавать, что последний круг его длительных интересов сформировался не без моего влияния, когда Я.Ю. открыл, что его любимые средства позволяют решать задачи не только в математической статистике, но и в теории случайных процессов.

Важной частью его жизни было выращивание учеников (чаще – учениц). Они прилеплялись к Я.Ю. на младших курсах, получали посильную задачу, и затем в течение многих лет под отеческой опекой научного руководителя понемногу продвигались к намеченной цели, заканчивая написанием диссертации. Несомненно, что за этими добротными работами в значительной степени стоял сам Я.Ю.

Когда я вернулся на факультет в качестве преподавателя, Яков Юрьевич стал моим формальным начальником как заведующий кафедрой. Он и с этой ролью справлялся великолепно, извлекая максимум возможного из скромных возможностей заведующего. В течение многих лет старался сохранить на кафедре дружеские отношения, что ему в целом удалось, хотя желающие поскандалить были, и для их укрощения требовался весь дипломатический талант и такт Я.Ю., который самые абсурдные нападки умел переносить с невероятным терпением и не давал разгораться склоке. Понимая, что коллектив катастрофически стареет, Я.Ю. старался привлекать молодёжь, в том числе и своих лучших учеников. Но реалии были таковы, что создать им приемлемые условия не получалось: для этого нужны были усилия на уровне факультета и даже университета. В конечном счёте ему приходилось опираться лишь на старую гвардию.

Перед принятием решений по разным важным для кафедры вопросам Я.Ю. нередко конфиденциально советовался со мной, но наши мнения почти всегда совпадали, так что не могу сказать, что в чём-то повлиял на его кафедральную деятельность. Однажды мне предложили сменить Я.Ю. на должности заведующего, но я отказался, так как не видел, что же в таких условиях смогу сделать лучше, чем Я.Ю. Так и пришлось ему нести этот крест до конца.

Отдельно нужно сказать об отношении Я.Ю. к конфликту последних лет, приведшему в конечном счёте к созданию конкурирующего с матмеховским отделением математики факультета МКН. Яков Юрьевич был убеждённым противником разделения и сделал всё от него зависящее, чтобы предотвратить его. Его многолетняя дружба с деканом матмеха Г.А. Леоновым обязывала, в его понимании, во всём поддерживать последнего. Вместе с тем, взгляд Я.Ю. на проблему был далеко не столь однозначен, как можно подумать, читая некоторые его письма. В разговорах со мной он нелицеприятно отзывался об учёном совете факультета, слепо пошедшем вслед за деканом на роковые военные действия, сделавшие разрыв необратимым.

Находясь по разные стороны баррикад, мы с Я.Ю. не раз обсуждали происходящее. Наши взгляды на проблему сильно различались, соответственно жизненному опыту каждого: для Я.Ю. факультет был всей его жизнью, абсолютной ценностью; для меня же факультет и, шире, университет, связан не только с самыми лучшими днями, но и с большими несправедливостями, которые не забываются. В этих чреватых личными конфликтами обстоятельствах проявились замечательная способность Я.Ю. прислушиваться к иной точке зрения, пытаться найти общий язык с оппонентом и по возможности выйти на какую-то общую платформу действий. Я.Ю. стоически

перенёс мой уход с кафедры «в стан врагов», причинивший ему дополнительные хлопоты; наши доверительные отношения остались неизменными, как в человеческом плане, так и в деловом. Я совершенно уверен, будь деканом Я.Ю., чего он безусловно заслуживал и к чему имел все необходимые способности, никакого разрыва бы не случилось, и дело вообще не дошло бы до конфликта с нынешней командой МКН.

За светлую, полную добрых дел жизнь Якову Юрьевичу была дарована лёгкая, мгновенная смерть от сердечного приступа летом 2020 года, за текущими делами во время обычного загородного отпуска. Она была абсолютно внезапной и для его родных, и для тех, с кем он работал. Можно предположить, что его сердце устало от печали по плачевному состоянию факультета, которому он был предан всей душой и без которого не мыслил свою жизнь.

Даже после моего ухода с его кафедры у нас с Яковом Юрьевичем была масса общих дел и тем для совместной работы и постоянного обсуждения: грант, которым он руководил, а я был одним из основных участников; готовившиеся научная школа и конференция в институте Эйлера; затеваемый съезд математиков России – трудно смириться с тем, что всё это нам придётся завершать уже без Я.Ю.